

Туманцы

Действующие лица:

Ковалёв
Николай
Настя
Лейтенант
Маша
Бабка
Парень
Девушка
Дед с гитарой

Действие 1

Темнота. Мерный перестук колёс. Потом плавное торможение.

Голос из динамика: Васильки. Выход на правую сторону. Следующая станция — Митрохино. От станции Митрохино до станции Полевая поезд следует без остановок.

Сцена 1.

Позднее лето. Тропинка у края железнодорожной платформы. Утренние сумерки, ещё темно. На тропинке стоит парень лет восемнадцати с набитым рюкзаком “Ермак”. Это Ковалёв. Из сумерек появляется фигура Деда с гитарой.

Ковалёв: Здравствуйте.

Дед: Здорово.

Присаживается на ступеньку платформы, проводит рукой по струнам. Гитара безбожно дребезжит.

Дед: Расстроилась совсем.

Ковалёв: Настроить надо.

Дед: Так настрой.

Ковалёв: Не умею.

Дед: Так научись.

Ковалёв: Научусь.

Дед: Вот научишься — тогда и будешь командовать.

Молчат. Ковалёв бесцельно бродит вдоль платформы. Дед пытается наиграть на дребезжащей гитаре мелодию какого-то романса. Наконец, бросает это занятие. Пристально смотрит на Ковалёва.

Дед: Далекó собрался?

Ковалёв: Учиться поеду.

Дед: Я ты другое спросил. Я ты спросил: далеко?

Ковалёв: Далеко.

Дед: Сильно далеко?

Ковалёв: Сильно.

Дед: К девке?

Ковалёв: Я же говорю — учиться еду.

Дед: Я ты не то спросил. Я ты спросил: к девке?

Ковалёв: Нет.

Дед: Значит, к девке.

Ковалёв обречённо молчит.

Дед: Чего молчишь?

Ковалёв: Что?

Дед: Учиться хочешь?

Ковалёв: Да.

Дед: А звезду с неба достанешь?

Ковалёв (раздражаясь): Если надо будет, достану.

Дед: Вот достанешь — тогда и будешь учёный. А пока что хрен мочёный, вот ты кто.

Свист электрички вдалеке.

Сцена 2.

Августовская ночь. Темнота. У потухшего костерка сидят Ковалёв и Николай.

Николай: В армию меня как-то больше тянет.

Ковалёв: Меня вот нет. Я что-то красивое делать хочу.

Николай: Да чего говорить. Ты с детства мастер.

Ковалёв: Ну не с детства...

Николай: А помнишь, как ты кабана из свинца отливал?

Ковалёв: Вообще-то быка.

Николай: Какая разница. У меня даже грузила кривые получаются.

Ковалёв: Зато ты вон какого налима поймал.

Николай: А помнишь, мы за Машкиной матерью следили? Типа она ведьма?

Ковалёв: Ага. Как придурки.

Николай: А она ведь по правде ведьма.

Ковалёв: Да брось.

Николай: Я тебе отвечаю. Я тут ночью иду — она на заборе сидит. Верхом, прикинь? Сидит верхом на заборе и смотрит так... как это называется... как Кашпировский, в общем.

Ковалёв: А ты что?

Николай: Что я? Я чуть в штаны не навалил.

Ковалёв: С ума сходит тётка, вот и всё.

Николай: И русалки взаправду есть.

Ковалёв: Что-то ты совсем. Не перебрал?

Николай: Я тебе отвечаю. Я их на речке вижу иногда. Фигуры белые.

Ковалёв: Так это девки купаются.

Николай: Не голые, а белые.

Ковалёв: Ну... бабульки в ночнушках...

Николай: Самому-то не смешно?

Ковалёв: Есть немного.

Николай: В ночнушке бродить — это у нас другая Машка умеет. Ну ты понял. (Хихикает.)

Молчат.

Николай: У тебя когда поезд?

Ковалёв: В десять пятнадцать. А электричка в семь с чем-то.

Николай: Спать не будешь?

Ковалёв: Не.

Николай: Давай ещё по пивку тогда.

Ковалёв: Ну давай.

Сцена 3.

Деревянные мостки над маленькой речкой. Темнота. Ковалёв стоит на мостках.

Ковалёв: Эй.

Тихий плеск. Над речной водой появляются белые тени — наверное, просто сгустился туман.

Ковалёв: Я попрощаться... типа.

Плеск.

Ковалёв: Поехал я, короче.

Плеск. Колыхание белых теней.

Ковалёв: Там другие девчонки будут.

Ковалёв: Другие пацаны.

Ковалёв: А вас вот не будет.

Ковалёв: Хотя кто знает.

Плеск. Поскрипывание древесных верхов.

Ковалёв: Странно, блин.

Ковалёв: Вообще всё странно.

Ковалёв: Машка замуж выйдет.

Скрип деревьев. Что-то похожее на сопение зверя — и сразу же уханье филина вдалеке.

Ковалёв: За Серёгу какого-нибудь.

Ковалёв: Или за Илюху.

Свист ветра. Плеск.

Ковалёв: А может, так и правильно. Выйдет — и фиг с ней.

Плеск. Потрескивание каких-то веточек или стеблей.

Ковалёв: Вот без вас грустно будет.

Долгий, протяжный всплеск.

Ковалёв: Но мы ведь ещё увидимся. Да?

Треск ломающихся веток — словно в кустах ворочается медведь.

Пьяный женский голос: Манда-а!

Ковалёв (опешив): Да блин!..

Торопливо уходит.

Сцена 4.

Тёмный двор. Видны квадратик светящегося окна и силуэт большого дерева. Под деревом сидит Ковалёв.

Из дома доносится невнятное и жалобное женское бормотание.

Мужской голос из дома: И что? Руки у парня золотые.

Женский голос (немного чётче, но по-прежнему жалобно): Алёша, я же не спору. Но за две тыщи километров ехать...

Мужской голос: Не пропадёт.

Ковалёв: Не пропаду.

Прижимается затылком к дереву.

Женский голос из дома: Кирилл! Кирюша!

Мужской голос из дома: Оставь ты его. Пусть один посидит.

Женский голос: Ему вставать уже скоро.

Мужской голос: Встанет, не маленький.

Ковалёв (ощупывая дерево): Ну.

Женский голос: Три часа ночи уже.

Мужской голос: И что? Человек с домом расстается.

Женский голос: Не навсегда же.

Мужской голос: А вот этого мы не знаем.

Женский голос: Не надо меня на ночь пугать.

Мужской голос: Так ты не пугайся.

Женский голос: Тьфу на тебя.

Мужской голос: Ты лучше сама поспи.

Женский голос: Какое тут... хоть димедрол принимай.

Скрип кровати, шуршание.

Женский голос: Вот и вырос Кирюшка. Жалко, дедушка не видит.

Мужской голос: Всё они видят.

Ковалёв: Так странно всё. Как будто снится.

Трогает дерево.

Ковалёв: Ты не снишься? (Отвечает сам себе басом) Нет, не снюсь!

Встаёт. Хлопает дерево ладонью, как друга по плечу. Идёт в дом. Свет в окне гаснет.

Сцена 5.

Тропинка у края железнодорожной платформы. На тропинке стоит Ковалёв с рюкзаком, на ступеньках сидит Дед с гитарой.

Дед: Главное, ты высоты не бойся.

Ковалёв: Я не боюсь.

Дед: И по миру не бойся пойти.

Ковалёв: В смысле?

Дед: Ножками.

Ковалёв (раздражённо): Зачем?

Дед (дёргая струну): Надо.

Молчат.

Дед: Вот по миру пойдёшь — тогда будешь герой. А пока что — штаны с дырой.

Громкий свист электрички. Приближающийся грохот колёс.

Ковалёв: Наконец.

Дед (вставая): Эхма.

Ковалёв (поднимаясь на платформу): Ну, всё. Удачи.

Дед: До свиданьица.

Звук тормозящего состава.

Сцена 6

Парк в спальном районе большого города. Поздний вечер, почти ночь. Темно. Ковалёв и Настя сидят на лавочке. Ковалёв пьёт пиво (судя по всему, не первое), а Настя — вино. Чуть поодаль виднеется металлическая опора смотровой вышки; за неё зацепился воздушный шарик в форме мультяшного медведя.

Ковалёв: Вот так, в общем. Туман на реке, потому и Туманцы, наверное.

Настя: А живность у твоих родителей есть?

Ковалёв: Куры есть, гусей парочка. Кошка ещё была, Василиса. Дедушкина... я с её котятками в детстве возился. Сейчас не знаю, кто.

Настя: А давно ты их навещал?

Ковалёв: Три года назад съездил, как диплом получил.

Настя: Не тянет?

Ковалёв: То тянет, то нет.

Настя: Я бы из такого места не уезжала.

Ковалёв: Россия большая. Есть что посмотреть...

Настя: Россия — да. А родина-то маленькая.

Ковалёв: Да ну. Вон на звёзды глянь. Космос нам тоже родина.

Поднимают глаза. Замечают воздушный шарик.

Настя: Смотри, там мишка застрял.

Ковалёв: Точно.

Настя: У него такой вид жалобный.

Ковалёв: Давай я его достану.

Настя: Да ну! Кувырнёшься ещё.

Ковалёв: Даже не надейся.

Карабкается на вышку. Дотягивается до медведя.

Настя: Осторожнее там!

Ковалёв: Всё нормально!

Настя: Сюда его спускай!

Ковалёв: Он лететь хочет. (Разжимает руку, медведь улетает. Ковалёв машет ему вслед.)

Настя: Осторожнее!

Ковалёв (с сияющим и абсолютно пьяным лицом): До свиданья-а-ня, наш ласковый мишка-а!

Оступается. Падает.

Сцена 7.

Кромешная темнота. Как из-за плотного слоя войлока, звучат голоса,

Мужской голос: Руки у парня золотые.

Голос Насти: Ты теперь главный мастер, выходит?

Голос Ковалёва: Выходит, так.

Голос Насти: И неженатый. Непорядочек.

Голос Ковалёва: Платье нужно заказать. Белое.

Голос Насти: Не хочу белое. Как у покойницы. Можно, я просто в джинсах пойду?

Голос Ковалёва: Да брось. Ты в белом красивая.

Голос Насти: А в джинсах нет?

Голос Ковалёва: Самая красивая — когда голая.

Голос Николая: Я их на речке вижу иногда.

Голос Насти: Какие у тебя волосы стали шикарные. Не завязывай этот хвост, а?

Голос Ковалёва: На работе в глаза лезут.

Голос Насти: Я тебе ремешок сделаю. Как в Древней Руси носили.

Голос Ковалёва: Слушай. Я ведь дома уже лет семь не был. Поехали весной?

Голос Насти: Поехали.

Голос Ковалёва: У нас там русалки водятся.

Голос Насти: А лешие?

Голос Ковалёва: Не знаю. Зато ведьмы есть.

Голос Насти: Молодые?

Голос Ковалёва: Смотря что молодостью считать.

Голос Насти: И что они делают?

Голос Ковалёва: Гипнотизируют, например.

Голос Насти: Так это не ведьмы, это маркетологи.

Голос Ковалёва: Маркетологи на заборах не сидят.

Голос Насти: Кстати, о заборах. Я бы в Икею завтра съездила.

Голос Ковалёва: Я пас. Мне работать допоздна.

Голос Насти: Тогда оставишь машину?

Женский голос: Не надо меня на ночь пугать.

Голос Ковалёва: Потихоньку поезжай. Гололёд везде.

Женский голос: Кирюша!

Голос Николая: Не голые, а белые.

Женский голос: Кирилл!

Голос Ковалёва: Я ей сам памятник сделаю.

Мужской голос: Руки у парня золотые.

Голос Ковалёва: В смысле — не разрешается? Да я плевать хотел, что у вас разрешается.

Женский голос: Не навсегда же.

Голос Ковалёва: Да?

Пьяный женский голос: Манда-а!

Голос Ковалёва: Жалко, что ты мои родные места не увидишь.

Мужской голос: Всё они видят.

Свист электрички вдалеке. Затем — перестук колёс, всё ближе и ближе.

Действие второе

Сцена 1

Плацкартный вагон. Боковой столик; по ходу поезда сидит Лейтенант, против хода — Ковалёв. Нижняя часть лица Ковалёва обезображена большим шрамом. Длинные волосы собраны в хвост и тронуты ранней сединой. На столике перед ним — полупустой стакан чая в подстаканнике. Перед Лейтенантом — бутылка водки и армейская кружка.

Лейтенант: Ну что, рокер, налить тебе?

Ковалёв: Можно.

Залпом допивает чай, вынимает пакетик, пододвигает стакан. Лейтенант наливает.

Лейтенант: Я в Моргуново. Знаешь такое место?

Ковалёв: Даже не слышал.

Лейтенант: Деревня моя.

Ковалёв: В отпуск?

Лейтенант: Насовсем. Отвоевался.

Ковалёв: Ясно.

Лейтенант: Хочу мох нюхать.

Ковалёв: Я нюхал. Он как избушка пахнет.

Лейтенант (одобрительно машет рукой): Из сказки.

Ковалёв: Про бабку-ёжку.

Оба выпивают.

Лейтенант: А ты куда?

Ковалёв: Тоже домой. В Туманцы.

Лейтенант: Давно не был там?

Ковалёв: Лет пятнадцать.

Лейтенант: Не тянуло?

Ковалёв: Сперва нет, а потом как потянуло.

Лейтенант: Как русалка в омут, а?

Ковалёв: Лучше и не скажешь.

Лейтенант: Россия большая, а родина маленькая, а?

Ковалёв: Точно.

Лейтенант: Россия — где рубли. А родина — где русалки.

Ковалёв: И омуты.

Лейтенант: На речке.

Ковалёв: С плотвой.

Лейтенант: С головастиками.

Ковалёв: С комарами.

Лейтенант: И пацаны плавают на камере от камаза.

Ковалёв: Мы с такого плота рыбу ловили.

Лейтенант: На болтанку.

Ковалёв: Из манки.

Лейтенант: У нас речка Гусынька.

Ковалёв: А у нас Чернушка.

Выпивают.

Лейтенант (достаёт из кармана какой-то документ, вынимает из-под обложки сложенную вдвое фотографию): Это сестра. А это вот — Альма.

Ковалёв: Красавица.

Лейтенант: Папа — овчарка, а мама — барбос.

Ковалёв (тоже достаёт из кармана фотографию): А это наш девятый «Г».

Лейтенант (тыкает пальцем в фото): А это ты.

Ковалёв: А это Машка.

Лейтенант: Красивая девчонка.

Ковалёв: Папа — электрик, а мама — барбос.

Смеются. Выпивают.

Ковалёв: А в августе яблоки по крыше стучат.

Лейтенант: У нас белый налив под окнами. Старый уже. Надо ещё посадить.

Ковалёв: Из него сидр вкусный.

Лейтенант: У меня батя настойки делал. На калгане. На чёрной смородине.

Ковалёв: На черноплодке тоже хорошая.

Лейтенант: Со спиртом всё хорошее.

Выпивают.

Лейтенант: Она так пахнет.

Ковалёв: Кто?

Лейтенант: Родина.

Ковалёв: Да.

Лейтенант: Как мох.

Ковалёв: Как речка.

Лейтенант: Как тина.

Ковалёв: Как белый налив.

Лейтенант: Как опилки.

Ковалёв: Как настойка.

Лейтенант: Как беляшики.

Ковалёв: Из автолавки.

Лейтенант: С крысятинкой!

Смеются в голос. Обнимаются. За окном мелькают сумеречные сады.

Сцена 2

Тропинка у края железнодорожной платформы. Там и сям валяется мусор. Ковалёв с небольшим туристическим рюкзаком стоит на тропинке. Ветер треплет распушенные волосы. Появляется Николай.

Николай (с неприязнью глядя на причёску Ковалёва): О. Гейропа пожаловала.

Ковалёв: Николай. Ты язык-то придержи.

Николай: О. Неужто Ковалёв? Кирюха, ты?

Ковалёв: Я.

Николай: Чего у тебя с мордой?

Ковалёв: Травма.

Николай: Воевал?

Ковалёв: Нет.

Николай: Сидел?

Ковалёв: А надо было?

Николай: Так а чё делал-то?

Ковалёв: Жил.

Николай: Угу. А работаешь кем?

Ковалёв: Реставратором. По скульптуре.

Николай: Всё лепишь, значит.

Ковалёв: У тебя-то как?

Николай: Гараж строю.

Ковалёв: Дело полезное.

Николай: Для ниссанчика.

Ковалёв: Ясно.

Николай: У тебя какая машина?

Ковалёв: Никакая.

Николай: Пешком ходишь?

Ковалёв: Да.

Николай: Баба-то хоть есть?

Ковалёв: Жена. Была.

Николай: Ушла или выгнал?

Ковалёв: Авария.

Николай: Так ты поэтому не водишь.

Пауза.

Ковалёв: На рыбалку ходите?

Николай: На бухалку ходим иногда.

Ковалёв: А помнишь, как ты раньше рыбачить любил?

Николай: Что-то у тебя с памятью не то. Я больше по охоте.

Ковалёв: И на кого охотишься?

Николай: На всё, что движется.

Ковалёв: Мда.

Николай: Жена целый бизнес наладила. С райцентра мясо заказывают.

Ковалёв: Ясно.

Николай: Если что, обращайся.

Ковалёв: Я мясо не ем.

Николай: И дурак. Сдохнешь.

Ковалёв: Все сдохнем.

Николай: А чего патлы отрастил?

Ковалёв: Патлы как патлы.

Николай: У нас так не надо ходить. У нас мужики нормальные.

Ковалёв: У кого это “у вас”?

Николай (замявшись): Моё дело сказать.

Ковалёв: Пойду с народом пообщаюсь.

Николай: Ну давай.

Ковалёв уходит. Николай неодобрительно смотрит ему вслед.

Сцена 3.

Полутьма. Прихожая убогой квартирки в бывшем бараке. Ковалёв стоит в дверях. Стоящая напротив Бабка похожа на пучок сухой пижмы.

Ковалёв: Я к Маше.

Бабка: Нет её.

Ковалёв: Уехала?

Бабка: Бухает где-то. Не стой в дверях.

Ковалёв проходит в комнату.

Бабка: Вспомнил, значит, про Марью.

Ковалёв: Я и не забывал.

Бабка: Оно и видно.

Ковалёв: Не знаете, где она?

Бабка: На речке поищи.

Ковалёв: Где пирс?

Бабка: Где твой дед котят топил.

Ковалёв: Не помню такого.

Бабка: В пакете рваном. Хорошего пожалел.

Ковалёв: Дед бы мухи не обидел.

Бабка: Мухи бы не обидел, только мамашке твоей селезёнку отбил.

Ковалёв: Да когда такое было?

Бабка: Когда не дала ему. А потом дала... и долго ещё давала.

Ковалёв (неуверенно): Не смейте мою мать оскорблять.

Бабка: Как ты за сараем сидел — помнишь? Вокруг василёчки цветут, синёхонькие, дождик начинается, за ворот капает, а в сарае кряхтят, пыхтят, дверь скрипит, сперва дед выходит, за ним мамка твоя — помнишь?

Ковалёв безвольно опускается на стул.

Бабка: Машку мою приехал искать? А другую Машку не помнишь?

Ковалёв: Какую?

Бабка: Машку-алкашку.

Ковалёв: Нет.

Бабка: Которая в кустах валялась. Обоссанная.

Ковалёв: Нет.

Бабка: Раздели вы её потом. И за сиськи дёргали.

Ковалёв: Нет.

Бабка: Да как нет-то? Справа — Марья-кудесница. Слева — Машка-алкашка. Ты — где?

Ковалёв (обречённо): Где?

Бабка: Посерёдке.

Ковалёв молчит.

Бабка: Домой заходил уже?

Ковалёв: Я только приехал.

Бабка: Да иди. Чем тут сидеть, лучше родителей проведай.

Сцена 4.

Грязный деревенский двор: дощатые стены уродливых, кое-как сколоченных сараев или кладовок, пара чахлых яблонек, бетонный колодец; чуть поодаль — старый клён. Видно торец некрашеного, покосившегося дома; рюкзак Ковалёва стоит на крыльце. Сам Ковалёв сидит под клёном: босой, в рубашке и спортивных штанах.

Женский голос: Су-у-ка!

Ковалёв снимает рубашку. Голой спиной прижимается к стволу дерева.

Женский голос: Су-у-ка!

Звук чего-то разбившегося. Бессвязная мужская ругань.

Ковалёв: Весело текли вы, детские года.

Массирует спину о кору.

Женский голос: Тварь!

Мужской голос: Рот свой сраный закрой!

Ковалёв: Вас не омрачали горе и беда.

Мужской голос: Чмо мне вырастила.

Женский голос: Это ты тут главное чмо!

Мужской голос: Да завали ты хайло, пока я тебе башку не проломил!

Женский голос: Свою башку побереги, мразь!

Грохот падающих предметов.

Женский голос: Убью, мразь! Отсижу, сука, сяду!

Ковалёв: Суриков Иван Захарович.

Женский голос: Убью, мразь. Убью, мразь!

Упирается в дерево затылком.

Возня, ругань.

Женский голос: Это ты, мразь, людей губишь!

Мужской голос: Я гублю?

Женский голос: Ты губишь, сука!

Мужской голос: Я гублю?

Женский голос: Меня загубил! Пацана загубил, мразь!

Мужской голос: А кто в водку димедрол ложил? А? Сука, кто мне в водку димедрол ложил?

Женский голос: Да лучше бы ты и сдох тогда, падла!

Ковалёв (дереву): Вот так вот.

Отстраняется. Надевает рубаху. Уходит.

Сцена 5.

На дощатых мостках сидят Ковалёв и Маша. Слева от Маши стоят бутылка, накрытая пластиковым стаканчиком, и пачка сока. Ковалёв смотрит вдаль.

Маша: Зачем ты эти патлы отрастил? Как баба стал.

Ковалёв: Какой есть.

Маша: И шрам страшный.

Ковалёв: Я его не заказывал.

Маша: Да жесьть просто.

Ковалёв: Можно одну вещь спросить?

Маша: Давай.

Ковалёв: Помнишь Машку-алкашку?

Маша: Лахудру старую? Зассыху?

Ковалёв: Что с ней стало-то? Померла?

Маша: Сто лет уже. Если так квасить... чё ты хотел-то.

Ковалёв: Здесь похоронили?

Маша: Проведать решил? (Ухмыляется)

Ковалёв: Просто интересуюсь.

Маша: Витька помер, Илюха помер, Ирка Серова померла в том году, баба Женя давно уже померла, дядь Никита Фадеев на рыбалке замёрз, ну, бухой, понятное дело... (наливает водки в пластиковый стаканчик) Так будешь или нет?

Ковалёв: Я не пью.

Маша (опрокидывает стакан, запивает соком): Всё с тобой ясно.

Ковалёв: Что тебе ясно?

Маша: Вроде нормальный парень был. А стал малахольный. Контузило, что ли? Так ты ж не служил.

Ковалёв: У тебя муж есть?

Маша: Сидит он. Серёга. Весной выйдет.

Ковалёв: За что сидит-то?

Маша: Какая тебе разница? (Помолчав) За наркоту, за что ещё.

Ковалёв: А дети?

Маша (злобно): Чего ты в душу мне лезешь? У самого-то есть?

Ковалёв: Нет.

Маша: Ну и не звезды тогда.

Ковалёв: А Илюха от чего умер?

Маша: В фуру въехал.

Ковалёв: У меня жена так погибла.

Маша (не обращая внимания): Они ночью в Васильки за бухлом поехали. Я тоже с ними хотела, а места в машине не было. Илюха насмерть, Мишаня в больнице с месяц лежал, у девок переломы всякие.

Ковалёв: Ясно.

Маша: Чего тебе ясно?

Ковалёв: Весело живёте.

Маша: А ты голубой крови. Ты-то с нами водку не бухал, с деревенщиной. Только шампанское с ананасами. (Заводясь) Приехал, блядь, нос воротить. Сидел у себя в городе, так и сидел бы. Вам там только бабки давай. Проституток в норковых шубах. И сами как проститутки — только сосёте. Ты хоть на машину-то насосал? Да хрен там. Тебя самого во все места поимели, всю рожу разворотило вон, а ты тут из себя незнамо кого строишь. (Успокаивается) Кирюша, ну вот чего ты?

Ковалёв: Чего я?

Маша: Да ничего. (Пьёт, запивает соком.) Думал, если мы с тобой пару раз потрахались, так теперь всё? Я тебя ждать буду? Да прям.

Ковалёв: Ну ты даёшь.

Маша: Даю, да не тебе. (Допивает водку, запивает соком) Пойду, надо матери помочь. (Встаёт.) Зря ты, Кирюш. Зря всё это.

Ковалёв: Да.

Маша: Манда. (Оборачиваясь) Патлы лучше состриги, а то как старый педик выглядишь. (Уходит)

Ковалёв остаётся один. Достает из кармана школьную фотографию, складывает самолётиком. Фотография неуклюже пролетает пару метров и шлёпается в воду.

Сцена 6.

Электричка. По ходу поезда сидит Ковалёв: он дремлет. Распушенные волосы перехвачены кожаным ремешком. Напротив сидят Парень и Девушка.

Ковалёв громко, прерывисто всхрапывает и стонет — мучительно, как от боли.

Девушка с Парнем переглядываются. Парень осторожно тербит Ковалёва.

Девушка: Эй.

Ковалёв (встряхиваясь): А?

Парень: Вы свою станцию не проедете?

Девушка: Мы подумали, вам плохо.

Ковалёв: Просто задремал. (Присмотревшись к соседям) Но за заботу спасибо.

Встаёт, вынимает из бокового кармана рюкзака небольшой термос. Откручивает крышку, делает глоток.

Ковалёв: Хотите?

Девушка: Это алкоголь?

Ковалёв: Иван-чай. Со смородиной. И немного бальзама я туда капнул.

Парень: Можно мне?

Ковалёв наливает в крышку от термоса. Парень отпивает глоток, передаёт Девушке.

Девушка: Вкусно. Как летом у бабушки.

Ковалёв: Я так и хотел. Чтобы детство напоминало. (Пауза) Не настоящее, а то, которого не было.

Девушка: А у меня такое было. Я к бабушке в Чувашию ездила. В деревню.

Ковалёв: Давно там были в последний раз?

Девушка: Лет десять назад.

Ковалёв: Не тянет?

Девушка: Тянет, конечно. Но хочется другие места посмотреть.

Парень: Россия большая.

Ковалёв: Это точно.

Парень: А вы откуда родом?

Ковалёв: Из Туманцев. Слышали про такое место?

Парень: Не-а. И как там?

Ковалёв: Речка у нас красивая.

Девушка: Мы Туманцы же проезжали. Вы там и сели.

Парень: Только вы на деревенского не походите. В отпуск ездили?

Ковалёв: На кладбище заезжал. Помянуть одного человека.

Девушка: Соболезнуем.

Ковалёв: Спасибо.

Парень: То есть вы в городе обитаете.

Ковалёв: Обитал. А сейчас вот по миру пошёл.

Парень (сочувственно): Бизнес прогорел?

Ковалёв: Да нет. Просто хочу по захолустью поездить. В разных местах пожить.

Девушка: Как мы.

Ковалёв: Наверное.

Парень: Мы вот с ней тоже решили покочевать немного. Благо, работа позволяет.

Ковалёв: Молодцы. Россия большая. А родина — она ещё больше.

Парень: В смысле?

Ковалёв: Ну... Россия — это где рубли. А родина — где деревья. Где реки.

Парень: А, понял. Граждане мира. Да, согласен.

Девушка: Когда-нибудь мы в Индию съездим.

Парень: И в Тибет.

Девушка: На Тибет.

Парень: В.

Ковалёв: Интересно, какое там детство вспоминается.

Девушка: Там, говорят, можно прошлые жизни вспомнить. На одном озере каком-то.

Парень: Во, отлично. Вспомнишь, как была амёбой.

Девушка: А ты свиньёй.

В вагон входит Дед с гитарой. Присаживается на край сиденья рядом с Ковалёвым, берёт аккорд, приготовившись петь. Гитара страшно дребезжит.

Ковалёв: Погоди, отец.

Берёт у Деда гитару, достаёт из кармана маленькую отвёртку. Подтягивает винтики на колках, настраивает инструмент — без усилия, без вслушивания, с уверенностью профессионала. Играет интро из «Unforgiven» Металлики. Возвращает гитару Деду.

Дед: Да ты мастер. Ну спасибочки.

Ковалёв: На здоровье.

Смотрит в окно. Снимает с полки рюкзак.

Парень: Ваша станция?

Ковалёв: Пока да.

Девушка: Ну, счастливо.

Ковалёв: А то.

Голос из динамика: станция Полевая. Выход на левую сторону. Следующая станция — Сто пятнадцатый километр.

Ковалёв выходит из вагона — словно ныряет с пирса в густую зелень и золото. Слышно, как Дед блатным боем играет какой-то старый романс. Двери электрички закрываются.